

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛ

11 ОКТ 1985

ИНТЕРВЬЮ «МК»

КОЕ-ЧТО О СЧАСТЬЕ

Актриса Малого театра Светлана АМАНОВА

— Прямо со счастья начнем.
— Почему?
— Всегда хочется побеседовать со специалистом. Где-то у Ильфа сказано: «Быть молодым и ездить на велосипеде...». Оставим велосипед, но многие наши читатели скажут: «Быть молодой, быть актрисой, работать в Малом театре, сниматься в кино — это...».

— Это — взгляд со стороны. Что ж, счастье, возможно, как раз то, на что смотришь. А то, чем живешь, — это жизнь. Работа.

— Вот и интересно, на что же смотрите вы, когда думаете о счастье.

— Я — на цирк. Его я обожаю. У меня, когда я там, глаза на мокром месте — и вовсе не от смеха. Это для меня самой какая-то тайна. Я пытаюсь понять, в конце концов, у меня дядя цирковой дирижер. И вот что мне кажется... Три раза в день цирковые артисты преображаются и выкладывают все, что могут. Казалось бы, достаточно?

А они идут смотреть, как работает товарищ. Они друг за друга. Им интересно глядеть чужой номер. Они-то говорят «работай», у них нет другого термина, но это особый способ жизни. В средние века сказали бы — такой монашеский орден. Как у них горят глаза, когда они выходят на арену!

— Тогда скажите, что же такое театр.

— Ну, многое... В данном случае — это место, где мечтают о братстве. Где все время говорят со сцены об этом, о том, как его достичь, и еще — почему не получается. В театре мне надо жить. А в цирк ходить.

— Когда вы это окончательно поняли?

— Окончательно? Я каждый раз, каждый день заново убеждаюсь в этом. Так что особенно глубоко я это поняла вчера, а сегодня, если повезет, пойму еще лучше.

— Хорошо, а кино? Что вы сейчас делаете в нем?

— Я — Елена в советско-болгарском фильме «Накануне». Инсаров — болгарский актер Антоний Генов. Мои «родители» — Елена Соловей и Александр Белобородько.

Начинала я у Константина Павловича Худякова. Помните? «С вечера до полудня»?

— Помню. Это Розов. Там Филатов, Фатеева, Санаев, Марцевич...

— Ну вот, а я — художница, сцена в зоопарке. Эпизод. Константин Павлович так хорошо все объяснял, что я его из кадра не отпускала: «Нет, не уходите! Я без вас не могу!».

— А как же все-таки теперь, можете?

— Теперь — я увидела, что остаюсь в кадре с партнером. А это чудесные люди! В картине «Путешествие будет приятным» я была в эпизоде с Любовью Сергеевной Соколовой...

— О, это моя любимая актриса.

— Почему ваша? И моя тоже. Я нервничала, что снимаюсь рядом с ней. А она в перерыве: «Ты делаешь все прелестно!». Одно из двух: или она в самом деле так считает — или она чудесный человек, не хуже своих героинь. И в том, и в другом случае я счастлива и играть могу! Или вот в «Зимнем вечере в Гаграх» Карэна Шахназарова я — дочь Евстигнеева. Боялась, конечно. Оказалось — еще раз оказалось — с большим актером играть проще, легче, чем с маленьким. А в «Спортлото-82» это была школа Гайдая. Экзотрика, почти цирк, невероятно полезно.

И в театре так же. Я учусь у партнеров, и когда мне это удается, бываю так горда, как будто сама этот принцип открыла. А ему сотни лет. В провинции актеры учились друг у друга. И я со школьной скамьи это слышала, но по-настоящему понимаю вот сейчас.

— А какая у вас школа?

— Щепкинская, разумеется. Представляете — художественный руководитель Михаил Иванович Царев, старший преподаватель Римма Гавриловна Солнцева, и Леонид Ефимович Хейфец ставит наш дипломный спектакль «Три сестры», а я играю Ирину, и мне столько же лет, сколько ей. Отрывки мы делали на втором курсе, потом целый акт, а потом диплом. Хейфеца просто слушать, и то умнеешь. А тут уж играть...

— И многое вы потом сыграли?

— «Выбор» по Юрию Бондареву — там я Вика, дочь Васильева. «Умные вещи» Маршака — я невеста. Тирсо де Молина «Ревнивая к себе самой» — донья Магдалена. Это балконы, веера, рыцари... Аня в «Детях Ванюшина». Машенька в «На всякого мудреца довольно простоты» — в постановке и в одном спектакле с Игорем Владимировичем Ильинским.

Но чего я испугалась — так это Маши в «Живом трупе», с Юрием Соломиным, в постановке Виталия Соломина. Представляете — петь! По-цыгански! Да еще ведь в пьесе восторгаются ее пением!

— Ну, это все-таки не концерт, не эстрада. Тут нужен образ этой красоты, притягательности...

— Вот-вот, так меня и успокаивали. Но все-таки, если споешь плохо — на чем же образ строить?

— И что помогло?

— Работа, вера партнеров, постановщика, а еще, может быть, то, что я окончила музыкальную школу, правда, по классу скрипки.

— Вам, наверное, при такой работе времени на мечты не остается?

— Кто вам сказал? Всегда мечтала. Хотя и о разном. По своим неигранным ролям и видишь, как меняешься, взрослеешь.

— Попробуем на примерах?

— Пожалуйста. В студенчестве — мечтала о Шекспире, прежде всего о романтических ролях. Пришла в театр — все,

только бы дали, что-то вроде физиологического голода.

— Ну а теперь? Это уже не романтическая героиня?

— Я бы сказала — лирико-драматическая.

— Как это упростить?

— Ну, допустим, в нее можно влюбиться, но она может устроить скандал.

— Словом, если вернуться к «Трем сестрам»...

— То это Маша. Сейчас, бы, кажется, играла только ее. А когда я захожу Ольгу — тогда вы меня уже не станете спрашивать, по крайней мере, для «Московского комсомольца».

— Не следует грустить, но как же все-таки быть с Наташей?

— В «Сестрах»? Очень интересно. Надо найти, увидеть в себе «несветлые» задатки. Они, увы, есть. Надо на себе все это показать — чтобы их меньше стало.

— А современницу какую?

— Чтобы у нее была судьба. Характер. Чтобы она на глазах менялась. Даже не за сценой, а прямо на ней. И не стоит изо всех сил держаться за ее повсеместную распространенность. Может, такой и нет в соседнем дворе, но вот могут такие появиться, и это будет событием.

Или так: чтобы ее характер волновал меня саму, как молодую жительницу моего города, моей страны. Чтобы с ней хотелось познакомиться. Пусть я совсем и не такая. Но у нее я могла бы учиться — вот как у партнера.

— И, следовательно, исторические роли манят вас меньше?

— Вовсе это не «следовательно». Мне же надо там искать свое. Чтобы чувства не просто назывались — а чтобы и я, и зритель вдруг понимали, о чем идет речь. И еще мне кажется, что многие исторические моменты, ситуации, типы сейчас особенно актуальны, чуть ли не больше сегодняшних.

— Все-таки не совсем понятно, что вы имеете в виду.

— Ну, например, XVIII век. Дело даже не в одном costume и в манерах, а в том, что за ними. Женщина была женщиной и по ритуалу. Тут и пластика, женский жест — все значимо. Статика, неубыстренные движения, нет суетливости. А есть нечто, чего не хватает женщине именно как женщине. Высокая женственность. Надоело бегать в брюках. Когда-то они были, надо полагать, пикантными, экзотическими на женщине — теперь чуть ли не наше обычное платье, юбки уже и острее, и экзотичнее.

— Однако вот у Шекспира женщин играли мужчины...

— Но что играли? Они прославляли возможности женщин!

— И кто же ваши любимые авторы?

— Со студенческой скамьи — Чехов. Особый характер сложности образа. Пушкин. Когда я его читаю, мне кажется, быть поэтом — самое простое и естественное дело, как при взгляде на птицу кажется, что летать очень просто. Его не перечитываешь, а каждую строчку читаешь так, будто на ней не просохли чернила.

Толстой буквально выбил из меня школярскую благостность своим спором с Шекспиром. И надо сказать, до того ошеломил, что я боялась и глядеть в его сторону. Но после Маши в «Живом трупе»...

Из современников — Распутин, Борис Васильев. Но на классику больше тянет. Там столько еще всяческого... Скажем, какая прелесть — Альфонс Доде!

— Ну а актеры?

— Те, которые вызывают «цирковое» отношение. То есть они бы играли — сидела бы и смотрела... Евстигнеев, Кенигсон, Любезнов, Самойлов — это только начало списка. Их больше.

— Какие впечатления оставил у вас этот год?

— XII Всемирный фестиваль. Там были удивительные встречи, удивительные минуты откровения. Вот, допустим, сидят полячки. Прямо-таки недоступные. Я актриса, и то как-то растерялась. И выходит Сергей Владимирович Образцов. «Дети мои! Я старый человек. Раз вы молодые, значит, вы любите. А раз любите — у вас будут дети. И не мне, а им нужен мир».

Он расплакался, полячки мои плачут, смотрю, и я тоже... Я вот что знаю. На нас можно положиться. Я не знаю, добрее ли мы — но добрых много. И в больших делах они обязательно встанут рядом.

Вел беседу А. АРОНОВ.